

ІСТОРІЯ
КИЇВСЬКОЇ
ДУХОВНОЇ
АКАДЕМІЇ

Игумен Маркелл (Павук)

**Исследования профессора
Киевской духовной
академии В. Ф. Певницкого
по истории гомилетики¹**

Является ли гомилетика самостоятельной научной дисциплиной, или же она не имеет собственного предмета исследования и должна считаться разделом риторики? Проповедь — это особый вид ораторского искусства, или ее следует трактовать шире — как некую специфическую разновидность церковного общения? Какими законами церковного красноречия проповеднику необходимо руководствоваться, чтобы его слово было живым и действенным? Как следует готовиться к проповеди? В своих многочисленных статьях, регулярно публиковавшихся в «Трудах Киевской духовной академии», профессор Василий Федорович Певницкий старался дать исчерпывающие ответы на эти и другие вопросы, используя исторический метод исследования.¹

1. Какой должна быть гомилетика

Когда в 1862 г. профессору В. Ф. Певницкому предложили возглавить кафедру гомилетики, то его смущала «сухость и малозначительность научного материала гомилетики». Поэтому он поставил перед собой задачу — сделать курс церковного красноречия в академии более живым². Свои идеи на этот счет профессор Певницкий довольно подробно

¹ Доклад на II Международной научно-практической конференции «Духовное и светское образование: история взаимоотношений — современность — перспективы» (18–19 октября 2010 года, Киевская духовная академия).

² Русская гомилетическая наука возникла в XVII веке в Юго-Западной Руси как подспорье духовенству в борьбе с инославием. Автором первого русского учебного пособия по гомилетике был архимандрит Иоанникий (Галятовский), ректор Киево-Могилянской коллегии с 1658 по 1665 г. Он преподавал гомилетику в схоластической манере, компилируя западные учебники. В узах инославной риторической методики гомилетика пребывала до конца XVIII в., хотя нельзя не отметить отдельные попытки ее освобождения из-под влияния схоластики. Первую такую попытку предпринял архиепископ Феофан Прокопович, сподвижник реформ Петра Великого. Во второй половине XVIII в. гомилетика в России испытала влияние модной в то время французской риторической школы. В XIX в. профессор КДА Яков Космич Амфитеатров попы-

изложил в одной из первых своих научных публикаций по вопросам гомилеметики, которая называлась «В каком виде может и должна быть поставлена кафедра гомилеметики?»

В начале статьи профессор обращает внимание на то, что если в западных протестантских школах гомилеметика является едва ли не ведущей дисциплиной, то у нас она «сдавлена и стеснена другими предметами и преподается как бы урывками между уроками по другим богословским наукам»³. Лишь в Киевской академии, скорее всего как исключение из правил, благодаря таким влиятельным и даровитым личностям, какими были его предшественники по кафедре — Яков Космич Амфитеатров и протоиерей Назарий Антонович Фаворов, гомилеметика заняла свое место среди других богословских дисциплин. Но В. Ф. Певницкий опасался, что с изменением обстоятельств гомилеметика, как формально не узаконенная на общецерковном уровне дисциплина, может выпасть из круга читаемых предметов, как это к тому времени уже произошло в Казанской духовной академии.

Такое опасение профессора было небезосновательным. В то время как раз начал активно обсуждаться проект реформы духовных школ, и многие профессора в целях оптимизации учебного процесса предлагали упразднить ряд предметов. При обер-прокуроре Святейшего Синода графе Протасове региональным духовным школам в данном вопросе предоставлялась значительная свобода. Поэтому неудивительно, что ректор Казанской духовной академии архимандрит Иоанн (Соколов, впоследствии — епископ Смоленский) смог, ни с кем не посоветовавшись, упразднить некоторые предметы. Профессор П. Знаменский в своей «Истории Казанской духовной академии» сообщает о реформаторской деятельности ректора архимандрита Иоанна: «В вакат (каноники — И. М.) 1858 года... в отсутствие наставников академии, больш

тался придать гомилеметике специфически русские черты, хотя полностью освободить ее от схоластического схематизма ему не удалось. Излагать гомилеметику в святоотеческом духе просил его покровительствовавший ему дядя — святитель Филарет (Амфитеатров). «Мне очень приятно, что ты займешься церковным красноречием, — писал митрополит. — Для верного в сем успеха советую тебе читать более всего творения святых отцов Церкви, а напиши святителя Иоанна Златоуста. Из них только святых источников можно почерпать изобильно воду чистую для напоения душ, искупленных кровию». Цит. по: Аскоченский В. История Киевской духовной академии по преобразовании ее в 1819 году. СПб., 1863. С. 249. Я. К. Амфитеатров преподавал гомилеметику в КДА с 1829 по 1848 г. В 1846 г. вышел его труд «Чтения о церковной словесности, или гомилеметике», за который император Николай I наградил автора перстнем с бриллиантами. С 1849 по 1862 г. кафедру гомилеметики в КДА занимал протоиерей Назарий Антонович Фаворов. В 1859 г. вышел его труд «Руководство к церковному собеседованию, или гомилеметика». Хотя этот учебник был написан на довольно высоком академическом уровне и на то время объективно был лучшим, студенчество относилось к нему прохладно. См.: Щеглов Н. История гомилеметики в России. Курсовое сочинение. К., 1900. Рукопись. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (далее — ИР НБУВ). Ф. 304. № 1666.

³ Певницкий В. Ф. В каком виде может и должна быть поставлена кафедра гомилеметики? // Труды Киевской духовной академии (далее — ТКДА). 1863. № 5. С. 3—4.

шею частью разъехавшихся из Казани... 3 июля он подал вправление обширную записку, в которой... произвел радикальную перетасовку всех предметов преподавания, тоже никого предварительно не спросясь, ни с кем не посоветовавшись.... Он начал с упразднения миссионерских отделений, которые называл курятниками, пристроенными к академии.... Из других наук обличительное богословие признано необходимым перевести в высшее отделение, взамен же его в низшее отделение перевести церковное красноречие, присоединив его к словесности, чтобы младшие курсы занимались составлением проповедей и изучением не одной светской литературы и многих пустых и бесполезных ее видов и произведений, но и образцов духовного красноречия, древних и новых, отечественных и иностранных.... Бывший профессор пастырского богословия и гомилетики священник М. М. Зефиров был назначен к переводу на монгольские предметы.... К 3 ноября Святейший Синод утвердил решение правления...»⁴. Таким образом, самостоятельная кафедра гомилетики в Казанской академии была упразднена, оказавшись присоединенной к кафедре общей словесности. Позже, в 1864 г., новый ректор архимандрит Иннокентий заметил, что в курсе лекций по предмету словесности о церковном красноречии даже не упоминается и проповеди студенты не произносят. Ректор настоял на том, чтобы преподаватель словесности в своих лекциях больше внимания уделял церковному красноречию, нежели светской литературе, также он поручил канцелярии составлять на каждый год списки проповедников и представлять ему на утверждение. Лишь при ректоре архимандрите Антонии, с 1867 г., кафедра гомилетики в Казанской духовной академии была отделена от кафедры общей словесности и вновь обрела самостоятельное существование⁵.

По всей России в богословских кругах того времени было предубеждение против научного достоинства гомилетики. Некоторые профессора говорили, что в ней нет науки, нет положительного реального содержания, ее удел — скучные проповеднические формы, «ее предмет и существенный характер напоминает собой риторику старых времен схоластицизма. Как ни оживляйте эту последнюю, как ни разукрашивайте ее, какие ни вводите в нее новости, она всегда будет казаться скучным анахронизмом. И тот всегда будет в опасности подвергнуться всеобщему и злому осмеянию, кто старый скелет схоластической риторики осмелился бы ввести, хотя в нарядном костюме, в область современной жизненной науки»⁶.

В большинстве духовных школ отношение к гомилетике не отличалось благосклонностью. В ее адрес высказывалось лишь беспощадное

⁴Знаменский П. История Казанской духовной академии. Казань, 1891. С. 161–163.

⁵Там же. С. 238–239.

⁶Певницкий В. Ф. Указ. соч. С. 5.

осуждение. Само название гомилетики вызывало отрицательную реакцию, и надо было быть отважным человеком, чтобы решиться сделать ее объектом своего научного творчества⁷.

Такое предубеждение против гомилетики в какой-то мере было обусловлено реформаторским зудом, охватившим российское общество. Многим казалось, что гомилетика противоречит современной науке и своими правилами ограничивает свободу проповедника, а следовательно, сужает простор для проповеди Слова Божия. Скорее всего этому настроению поддался и упоминавшийся выше ректор Казанской духовной академии архимандрит Иоанн⁸, упразднивший кафедру гомилетики. Архиепископ Одесский и Херсонский Никанор (Бровкович) — один из основателей публицистического направления в русской проповеди — также считал, что гомилетическая наука своими строгими предписаниями и правилами мешает живо откликаться на новые запросы жизни общества⁹.

⁷ Такое пристрастное отношение заслужила в то время не только гомилетика, но и светская риторика. В первой половине XIX в. ряд литературных критиков во главе с В. Г. Белинским прямо-таки ополчились против риторики. В представлении либеральных критиков лишь художественная литература и литературная критика были актуальными видами словесного творчества. Под их влиянием в обществе возобладала тенденция, приведшая во второй половине XIX в. к исключению риторики из системы образования; ее место заняло обязательное изучение художественных сочинений и мнений литературных критиков по различным вопросам общественной жизни. См.: Волков А. А. Курс русской риторики. М., 2001. С. 7.

⁸ Профессор П. Знаменский пишет, что формально ректор нагоняя на всех преподавателей и студентов страх и держался на недосягаемой высоте, но в доверительных беседах со студентами, которых по вечерам приглашал к себе в кабинет, он высказывал крайне либеральные взгляды: «Молодежь быстро сообразила, что ректор прогрессист, человек передовой, либерал, насколько позволяло ему его положение, что поэтому самому ему стыдно пускаться в мелочи дисциплинарной формалистики, на которую передовые люди смотрели тогда очень низко». Знаменский П. История Казанской духовной академии... С. 171–173.

⁹ Туровский Н. Проповеди Преосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. Курсовое сочинение. К., 1894. ИР НБУВ. Ф. 304. № 1373. Л. 24. Архиепископ Никанор считал, что проповедь должна освободиться от старых требований, стеснявших свободу выбора предметов проповеди, и иметь строго современное содержание, иную форму, более сходную с духом времени, свободную от слишком стеснительных гомилетических требований. В частности, он писал о свободе церковного слова: «Справедливость, да и польза не только Церкви, но и государства и народа русского требует, чтобы свобода слова русским православным пастырям попущена была не менее, чем сколько попущено ее всем, кто в России пользуется устным и печатным общественным словом. Если у нас сравнительной свободой слова пользуются ученые, прокуроры, адвокаты, писатели и прочие, которые часто употребляют эту свободу вовсе не на пользу Отечеству, а на распространение в нем зловредных для государства и Церкви идей, то тем более должна быть доставлена эта свобода церковным пастырям, которые никогда не действовали в таком направлении и которым, напротив, нужна эта свобода, чтобы с большим успехом бороться с этим вредным духом. В тех же целях должно быть предоставлено больше свободы проповеди в отношении формы. Ведь правила церковной проповеди, возведенные в идеал, возведенные школой якобы в непреложные предписания науки, так подобны, точны и строги, что трудно, если только возможно, найти проповедника из известных, который бы удовлетворил этим требованиям гомилетической науки... По невольному толкающему нас сознанию запросов времени мы бессильны выполнить эти правила». Цит. по: Богданович В. Отражение эпохи 60-х годов в русской церковной проповеди. Курсовое сочинение / Рукопись. К., 1903. ИР НБУВ. Ф. 304. № 1754. Л. 250–251.

В своей статье В. Ф. Певницкий пишет, что упреки в научной несостоятельности гомилетики не несправедливы, но только по отношению к гомилетике, увлекающейся практическим значением своего предмета, занимающейся лишь составлением правил о том, как нужно проповедовать¹⁰. Такая гомилетика забывает, что невозможно заключить в мертвую схему вдохновение, внутреннюю силу религиозного убеждения, что «дух неописуем внешними формами... Область его без предела, деятельность его без закона, подавляющего оригинальное проявление жизни»¹¹.

Профессор отмечает, что из-за строгого следования букве гомилетических правил, «за немногими исключениями, проповеди всех скроены по одной казенной мерке: они приличны, даже благочестивы; всё в них в порядке, частные мысли и доказательства выведены из одного общего положения и расположены по всем требованиям логических делений; язык гладкий, чистый и благородный. Но впечатление от них, не на одних только утонченных судей проповеднического дела, но и на большинство слушателей, неудовлетворительное, чтоб не сказать что-нибудь больше. В них нет оригинальности, нет личного одушевления; они безличны и бесхарактерны и все удивительно как похожи одна на другую, как солдаты, выстроенные в шеренге и одетые в одинаковый мундир. Они не привлекают к себе внимания, не показывая в себе никаких личных, характерных особенностей, и многим скучно слушать их, как скучно смотреть на невыразительные бездушные физиономии»¹².

Эта критика вполне применима и к сегодняшней ситуации с проповедничеством. Разве что раньше пастыри-проповедники строго придерживались косых правил, потому что боялись цензуры, а сегодня они боятся отступить от «трафарета» по другим причинам. Но сути это не меняет: и сегодня в храме чаще всего можно услышать однообразные, предназначенные абстрактному адресату рассуждения на неопределенную тему, пересыпанные общими фразами, которые мало кого могут реально заинтересовать и тем более вдохновить на христианское подвижничество.

Какой же, по мнению В. Ф. Певницкого, должна быть гомилетика, чтобы она, не сковывая творческого вдохновения проповедников, помогала обеспечивать проповеди максимальную действенность?

В первую очередь, считал он, подлинно научная гомилетика должна заниматься обзором проповеднической литературы как «великой ми-

¹⁰ Такие правила на Западе первым составил блаженный Августин, написав свою знаменитую «Христианскую науку». Несмотря на наличие правил, замечает профессор Певницкий, западные проповедники в IV–V вв. значительно уступали в красноречии восточным отцам Церкви, у которых никаких гомилетических указаний не было. В курсах гомилетики Я. К. Амфитеатрова и протоиерея Назария Фаворова также значительное внимание уделяется внешним правилам составления проповеди.

¹¹ Певницкий В. Ф. Указ. соч. С. 27.

¹² Там же. С. 24.

роисторической общественной силы, вносящей немалую долю влияния в общую лабораторию народной жизни, — как выражения движений, волнующих религиозно-нравственную атмосферу исторического мира»¹³.

Такой вывод профессор делал на основании убеждения в том, что настоящие религиозные проповедники всегда были лучшими людьми своего времени. «В них как бы воплощался строгий гений истины и добродетели, который хотел поднять выше среднего уровня людей, его окружающих»¹⁴. По убеждению В. Ф. Певницкого, религиозное слово — главный двигатель цивилизации, и потому самая глубокая и самая плодотворная перемена в течении судеб человечества произведена христианством. Всё человечество живет за счет духовных приобретений, обеспеченных христианством. В этом контексте христианская проповедь — лучшее и ничем не заменимое средство к возвышению духовной и общественно-гражданской жизни¹⁵. Под таким углом зрения ясно, что гомильтика должна вмещать «вместо мертвых правил живые образцы, вместо теории историю, вместо формального скелета проповеди живую душу, совмещающую в себе богатство всех духовно-литературных сил, — вот надлежащий путь, на котором может найти спасение от упреков наука о церковной словесности и получить свое право и значение в ряде других предметов и общего, гуманного, и специально-богословского знания»¹⁶.

Как видим, в отличие от епископа Иоанна (Соколова), который ради усиления публицистического элемента в проповеди лишил гомильтику статуса отдельной дисциплины в Казанской духовной академии и присоединил ее к словесности, профессор В. Ф. Певницкий выступал за перестройку гомильтики на историко-публицистических началах.

Наставая на приоритетности исторического метода исследования, профессор Певницкий в какой-то мере сближал гомильтику с патрологией, уже обретшей в то время среди богословских дисциплин непрекаемый авторитет благодаря труду святителя Филарета (Гумилевского) «Историческое учение об отцах Церкви». Существенная разница между этими дисциплинами заключалась в том, что в патрологии акцент делался на жизни и богословском учении отцов Церкви, а в гомильтике — на их проповедническом служении¹⁷.

¹³ Певницкий В. Ф. Указ. соч. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Трудно с этим не согласиться, но чувствуется, что В. Ф. Певницкий излагает это убеждение с особой эмоциональностью, что обусловлено тогдашним настроением общества, во что бы то ни стало требующего реформ и обновления.

¹⁶ Певницкий В. Ф. Указ. соч. С. 45.

¹⁷ Между прочим, в то время при обсуждении нового устава духовных академий некоторые профессора предлагали присоединить гомильтику к патрологии. Но, как пишет профессор В. Ф. Певницкий, скорее всего такое предложение было продиктовано не заботой о совершенствовании церковного проповедничества, а модой к внешней рационализации, объявившей го-

Как видно из цитированной статьи, В. Ф. Певницкий старался учитывать настроение современного ему общества, склонного считать самой востребованной и интересной дисциплиной, как в светских университетах, так и в духовных учебных заведениях, словесность (то есть светскую литературу)¹⁸. Во второй половине XIX в. русская и зарубежная литература достигает расцвета. Русское образованное общество, в том числе и молодежь, зачитывалось произведениями Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и других философствующих литераторов, проникаясь их образом мыслей; их мало интересовала церковная проповедь¹⁹. Профессор ставил перед собой непростую задачу: привить студентам академии, будущим пастырям и духовным руководителям народа, живой интерес к церковной проповеди и воспитать в них критическое, трезвенное восприятие светской литературы, нередко зараженной (особенно это заметно на примере позднего периода творчества Л. Н. Толстого) антицерковным духом²⁰.

2. О применении в гомилетике исторического метода

Заявив о своей приверженности историческому методу с самого начала своей научной деятельности, В. Ф. Певницкий оставался верен ему до конца, доказав его научную убедительность длинным рядом талантливо написанных гомилетических очерков и исследований по истории проповеди.

милетику лишил дисциплиной, якобы не имеющей собственного предмета исследования. См. там же. С. 47.

¹⁸ «Литература светская, говорят, самый занимательный предмет в курсе общечеловеческого, гуманного образования», — пишет В. Ф. Певницкий (указ. соч. С. 42). Например, в Киеве в начале XX в. на 500 тысяч населения приходилось 28 книжных магазинов, было выстроено огромное здание Публичной библиотеки, в которой числилось около 100 тысяч читателей, кроме того, при каждом учебном заведении существовали свои библиотеки, — и большую часть продаваемых и выдаваемых библиотеками книг составляли произведения западной и отечественной светской словесности.

¹⁹ Лишь простой народ еще интересовали проповеди немногих даровитых тогда проповедников, среди которых особо выделялся святой праведный Иоанн Кронштадтский. Но сила проповеди «всероссийского пастыря» была не во внешнем красноречии, которого тогда особенно искала современная ему интеллигенция, а в явлении силы духа, которого она, по своей гордыне, из-за увлечения модными рационалистическими веяниями, чуждалась.

²⁰ В одной из своих проповедей на пассии профессор В. Ф. Певницкий говорил: «Пишушие наши, берущие на себя руководительство народом или общественным мнением, лукавство пишут, и этому лукавству внимают толпы людей, отвлекаемые от правового пути на путь погибельный. Увлеченные пишущими лукавство объяляют отсталыми от нынешнего времени тех, которые хотят остаться верными заветам, хранимым в Церкви, и их голос встречают порицаниями и поношениями, и отвлекают от них ищущих здравого учения». Певницкий В. Ф. Слово на пассии // ТКДА. 1906. № 2. С. 6. Так же актуально эти слова звучат и в XXI в., когда либерально настроенные писатели и журналисты никак не могут воспринять строгих канонов церковной жизни и, чтобы заглушить голос своей и народной совести за повсеместное нарушение их, всячески стараются дискредитировать, как они пренебрежительно выражаются, «ретроградов»-церковников.

Как можно заключить из «Исторической записки» профессора И. И. Малышевского, подготовленной по случаю празднования 50-летия обновления академии в 1869 г., в применении исторического метода профессор В. Ф. Певницкий не был первопроходцем среди коллег-богословов. Так, еще с 1850-х гг. его начали применять в нравственном богословии. Тем не менее в том, что касается использования исторического метода для изучения теории церковного красноречия, приоритет В. Ф. Певницкого как новатора несомненен. Поэтому профессор Малышевский отметил, что «особенно плодовоито в сравнении с прежним временем выступает историческое изучение по предмету церковной словесности, где совершенно внове излагаются обширные части из истории проповедничества древнего и нового»²¹.

В ходе своих исследований В. Ф. Певницкий всё больше убеждался, что «для гомилетики историческое обозрение путей, по каким шла и развивалась она, более необходимо, чем для какой-либо другой науки... На длинном пути, пройденном историей гомилетики, мы встречаем большое обилие научных работ, посвященных решению задачи, ей предлежащей... Здесь представляется вниманию множество разнообразных опытов изложения гомилетических правил и определения законов проповеднического искусства, а при изучении их открывается, как видоизменялись гомилетические теории, как различно понималась задача науки и какое было различие во взглядах на методы и способы, наиболее годные для достижения целей, какие должна преследовать гомилетика»²².

Способ приложения исторического метода для изучения церковного проповедничества может быть двояким. «Проповедь, — пишет священник Н. С. Гроссу, — можно изучать или как определенный исторический факт, безотносительно к его ценности для решения разных теоретических и практических вопросов гомилетики, или же ее можно рассматривать с точки зрения ее пригодности именно для этой цели. В гомилетической науке не достигнуто соглашения по этому предмету, но большинство западных авторитетов (например, Бассерман, Лангей и Геринг) склоняется ко второй точке зрения. В. Ф. Певницкий определенно нигде не ставит вопроса о том, как вести изучение древнехристианской проповеди, но, несомненно, имел весьма ясный взгляд на этот вопрос. Во всех своих исторических исследованиях он как бы намеренно старается достигать результатов, которые так или иначе руководствовали бы к правильному пониманию характера и задач церковного пропо-

²¹ Малышевский И. И. Историческая записка о состоянии академии в минувшее пятидесятилетие // Пятидесятилетний юбилей Киевской духовной академии 28 сентября 1869 года. К., 1869. С. 120–121.

²² Певницкий В. Ф. Из истории гомилетики: теория красноречия Шотта // ТКДА. 1897. № 9. С. 11.

ведничества вообще, безотносительно к тому, какие требования предъявляются к церковной проповеди в то или другое время»²³.

Професор В. Ф. Певницкий был уверен, что научиться хорошо проповедовать, равно как и любому другому делу, можно не столько по писанным правилам, сколько по великим образцам²⁴. «Ревностный проповедник, желающий свято исполнить высокий долг пастырского учительства, — пишет он, — находит для себя много побуждений обращаться мыслью к деятельности великих представителей церковного учительства и изучать оставленные ими памятники сильного и влиятельного слова. Эти памятники дают ему наглядные уроки и образцы для плодотворного действия в своей среде, и часто, в особенности в минуты беспокойства и бессилия проповеднического слова, служат ободрением и укреплением ослабевающей ревности в исполнении святого дела»²⁵.

Стремление рассматривать историю церковной проповеди под таким углом, чтобы она была учительницей и руководительницей пастырей в деле проповеди Слова Божия, прослеживается почти во всех работах В. Ф. Певницкого. Это совсем не мешает ему в любых обстоятельствах, во всех своих гомильтических исследованиях по истории проповеди сохранять беспристрастие и объективность.

3. Гомильтика святителя Григория Двоеслова

Первой серьезной попыткой применения профессором Певницким исторического метода было сочинение о проповедничестве святителя Григория Двоеслова, за которое он был удостоен в 1872 г. ученой степени доктора богословия.

В. Ф. Певницкий не случайно начал свою исследовательскую работу в области истории церковного проповедничества с изучения трудов святителя Григория. Ведь фактически все систематические научные труды по теории и практике проповедничества писались на Западе. Самую первую гомильтику, носившую название «Христианская наука», написал блаженный Августин. Следующим заметный вклад в развитие теории и практики западного проповедничества внес святитель Григорий, написавший знаменитое «Правило пастырское». Святитель Григорий

²³ Гросси Н. С., свящ. Профессор Василий Федорович Певницкий как гомильтик // ТКДА. 1911. № 9. С. 211–212.

²⁴ Такое убеждение профессора В. Ф. Певницкого созвучно мыслям блаженного Августина: «Кто хочет говорить к народу не только мудро, но и красноречиво (ибо нет сомнения, что единение того и другого более принесет пользы), тому советую гораздо лучше читать, слушать и подражать ораторам, чем без пользы тратить время с учителями риторики: только надобно смотреть, чтобы те, коих читает или слушает по правдивой молве, и в самом деле были в слове своем не только красноречивы, но вместе и мудры». Августин Иппонский, блаж. Христианская наука, или Основания священной герменевтики и церковного красноречия. СПб., 2006. С. 174.

²⁵ Певницкий В. Ф., проф. Образ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа как учителя // ТКДА. 1868. № 9. С. 314.

обладал исключительным даром красноречия. Западная Церковь с древности именует его Григорием Великим. Сегодня в Католической Церкви святитель Григорий является одним из четырех наиболее почитаемых западных отцов Церкви наряду с блаженным Августином, блаженным Иеронимом и святым Амвросием Медиоланским²⁶.

Традиционно в церковной истории и патрологии самой яркой личностью на Западе до раскола 1054 г. принято считать блаженного Августина, епископа Иппонского. Ему, а также блаженному Иерониму Стридонскому, святителям Амвросию Медиоланскому и Иларию Пиктавийскому в отечественной богословской науке XIX в. уделялось основное внимание. Святитель Григорий, поскольку он мало участвовал в тогдашних догматических спорах и не создал собственной богословской системы, оставался в тени. Написанный В. Ф. Певницким на фоне тогдашней церковно-исторической обстановки яркий образ святителя Григория Двоеслова заставляет посмотреть на него по-иному. И, пожалуй, такой взгляд больше соответствует православному соборному сознанию Церкви. Аргументируя свою точку зрения, В. Ф. Певницкий ссылается на архиепископа Толедского Ильдефонса (VII в.), который не находил слов, чтобы достойно восхвалить святителя Григория, утверждая, что во всей христианской древности не видел никого, с кем мог бы сравнить его. Святитель Григорий, по представлению архиепископа Ильдефонса, превосходит в святости Антония, в красноречии Киприана, в мудрости Августина²⁷.

Рассмотрим на примере этого труда, как В. Ф. Певницкий применяет в гомилематике исторический метод. Исследование состоит из трех частей. В первой части на историческом фоне той эпохи подробно излагаются жизнь и труды святителя Григория Двоеслова. Во второй частидается характеристика его гомилематического учения. В третьей — описываются проповеднические труды святителя, в частности, его беседы на Евангелие.

В начале своего исследования профессор Певницкий дает общую характеристику проповедничества на Западе в исследуемый период. По его убедительно аргументированному мнению, в тогда еще единой Церкви Христовой проповедь на Западе до начала проповеднического служения святителя Григория находилась, в отличие от Востока, в зачаточном состоянии. В частности, он приводит свидетельство церковного историка Созомена о том, что в IV и начале V века в Римской Церкви вовсе не проповедовали и что это был обычай, укоренившийся здесь

²⁶ См.: Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. 1. С. 239.

²⁷ Певницкий В. Ф. Св. Григорий Двоеслов и его проповеднические труды // ТКДА. 1864. № 11. С. 641. В этих словах архиепископа много панегирической гиперболы, но, тем не менее, они отражают соборное сознание Церкви. Особо чтимого в западной католической среде Августина Православная Церковь именует не святителем, а блаженным, потому что в его жизни и богословии есть моменты, которые не могут быть взяты за образец для подражания.

издавна. Действительно, как далее замечает профессор, до половины IV в. латинская письменность не дает нам практически ни одного гомилетического текста²⁸. Лишь со второй половины IV в. явные следы проповедничества присутствуют в церковной деятельности святителя Амвросия Медиоланского и блаженного Августина, но их дар красноречия не идет в сравнение с проповедническим талантом восточных учителей Церкви — святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, преподобного Ефрема Сиринга и других. Блаженный Августин, самый влиятельный и самый плодовитый из латинских церковных писателей, особо выдающихся творений в области проповедничества не оставил, хотя в его «Христианской науке» и содержатся рассуждения о лучшем способе проповеди и изъяснения народу Священного Писания. По мнению профессора, автором, заложившим основы латинского проповедничества, следует признать святителя Григория Великого.

Благодаря святителю Григорию Двоеслову проповедь прочно утвердилась на западной почве, сроднившись — уже и в его творчестве — с богослужебными традициями Римской Церкви. В то время, когда наступил период относительного упадка восточного церковного ораторства, святитель Григорий Двоеслов дает импульс его развитию в той части христианского мира, где прежде оно было развито слабо. Он смотрит на проповедь как на важную обязанность пастырского звания, сам проповедует больше, чем кто бы то ни было из его предшественников на Римской кафедре, и наконец, создает в назидание своим сослужителям известное «Пастырское правило», призывающее к усердному проповедничеству²⁹.

Начиная с VII в. авторитет святителя Григория Двоеслова в области проповедничества на Западе становится непререкаемым. С IX в. святой Григорий воспринимается как родоначальник духовного образования, и день его памяти становится праздником всех учащих и учащихся — общим праздником науки и школы. Такое отношение к святителю Гри-

²⁸ Тем не менее, как пишет профессор Н. Барсов, в первые два века после Рождества Христова «в Риме общественно-гражданское ораторство процветало не менее, чем на Востоке; но в это время оно и там уже принимало тот характер, который был впоследствии причиной его упадка: пустая риторическая напыщенность, диалектическо-софистическая виртуозность в содержании без внутренней силы убеждения, пошлый, неумеренный, чуждый искренности панегиризм — все эти качества римского ораторства этого времени представляли полную противоположность той свежести и искренности мыслей и чувств, какими характеризуется первобытное христианство. Затем, и на Западе, как и на Востоке, первоначальный состав Церкви образовался, главным образом, из людей простых, вышедших из низших классов общества и потому не имевших и вкуса к изысканному ораторству. Да и вообще всем классам общества на Западе в это время наклонность к искусству и высшему интеллектуальному развитию не была настолько прирожденным свойством, насколько это было на Востоке...» Барсов Н. И., проф. История первобытной христианской проповеди (до IV века). СПб., 1885. С. 145–146.

²⁹ Певницкий В. Ф. Святитель Григорий Великий Двоеслов и его проповеднические труды // ТКДА. 1864. № 11. С. 570–573.

горию сохранялось до утверждения на Западе схоластики, когда главным учителем стали почитать блаженного Августина³⁰.

Почитание святителя Григория как одного из «великих учителей Церкви» (звание, официально закрепленное в 1298 г. папой Бонифацием за ним, святителем Амвросием Медиоланским, блаженным Августином и блаженным Иеронимом³¹) сохраняется среди католиков до сих пор, но преимущество среди четырех имеет всё же блж. Августин. Так, в современном издании «Католической энциклопедии» и в научных исследованиях католических авторов блаженному Августину неизменно уделяется больше внимания, чем святителю Григорию.

На Востоке по причине раскола 1054 г. имя святителя Григория долго не входило в месяцесловы. Его нет в древних (XI–XV вв.) изданиях славянских Евангелий и Апостолов Русской Церкви³². Лишь начиная с XVI в. оно появляется в русских святыцах.

В. Ф. Певницкий первым сделал подробное описание жизни и деятельности великого отца Западной Церкви на русском языке, которое до сегодняшнего дня сохраняет актуальность. Например, профессор Московской духовной академии А. И. Сидоров во вступительной статье к современной публикации творений святителя Григория опирается преимущественно на исследования В. Ф. Певницкого, не добавляя к ним чего-то принципиально нового³³.

Профессор Певницкий изложил жизнеописание свт. Григория не языком сухих фактов, чем нередко грешат западные и отечественные патрологи, а постарался сохранить черты житийного описания жизни святителя.

Как считает В. Ф. Певницкий, будущий святитель родился в первой половине VI в. (что, заметим, не является общепризнанным фактом) в доме римских патрициев, где всё было подчинено строгому соблюдению христианских добродетелей, а высшими ценностями считались живая вера и евангельская нравственность. Печальная судьба отечества и предчувствие грядущей катастрофы отбили у них всякую охоту заниматься земными интригами и ослабили силу воздействия на них временных пристрастий... Когда в дом римского аристократа сходились его знакомые, то едва ли не главной темой их бесед были чудесные подвиги добродетели, победоносная борьба святых со злыми духами, разные небесные и благодатные явления³⁴. Впоследствии на основе таких рассказов святитель Григорий составит свои знаменитые «Собеседования», за которые Церковь

³⁰ Певницкий В. Ф. Святитель Григорий Великий Двоеслов и его проповеднические труды... С. 574.

³¹ Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2006. С. 631.

³² Там же. С. 630.

³³ См.: Сидоров А. И. Жизнь и труды святителя Григория Великого (Двоеслова) // Святитель Григорий Великий Двоеслов. Творения. М., 1999. С. 1–53.

³⁴ Певницкий В. Ф. Святитель Григорий Великий... С. 574–575.

назвала его Двоесловом. Воспитание в таком духе привело к тому, что в 35 лет (около 575 г.) Григорий облачился в монашескую одежду и распрошался с миром, богатством и гражданскими почестями³⁵.

Анализируя отношения святого Григория с окружающими его людьми, профессор Певницкий отмечает в нём благородно-мягкую, нежную и сострадательную натуру. При виде чужого горя он не мог оставаться равнодушным и готов был отдать всё, чем наградил его Бог, для утешения и уменьшения страдания ближнего. Во имя той же любви, которая побуждала святителя Григория делить с бедными имение и стол, он становился ревностным распространителем духовного опыта христианского движения. Всюду, куда простиралась его власть, он старался посеять семена спасительной веры и тем содействовать ее возрастанию.

Многие из его современников считали допустимым обращать неверных к вере в истинного Бога и еретиков к единению с Церковью силою принуждения, угроз и наказаний. Добрая и нежная душа святого Григория, при всей пламенной ревности его к истине, противилась таким методам: он считал меч негодным инструментом для убеждения³⁶, отдавая предпочтение мягкому и снисходительному к немощи человеческой природы обхождению. «Епископ не должен наводить на других страх наказаниями, — писал он епископу Иоанну Константинопольскому. — Мы пастыри, а не гонители. Терпеливые обличения и просьбы советует апостол (2 Тим. 11:4), но это было бы новым и неслыханным учением — принуждать к вере наказаниями»³⁷.

В данном вопросе святитель Григорий Двоеслов был единодушен со святым Григорием Богословом. Последний также считал, что пастырю «надобно превосходством своей добродетели привлекать народ к порядку, и не силой обуздывать, но доводить до порядка убеждением. Ибо всё, что делается недобровольно, кроме того, что оно насильственно и непохвально, еще и непрочно. Вынужденное, подобно растению, насилием согнутому руками, как скоро бывает оставлено на воле, обыкновенно возвращается в прежнее свое положение. Напротив того, что делается по свободному произволению, то, как скрепляемое узами сердечного расположения, и весьма законно, и вместе надежно. Посему закон наш и Сам Законоположник особенно повелевает *пасты стадо не нуждею, но волею* (1 Пет. 5:2)»³⁸.

³⁵ Там же. С. 579–580.

³⁶ В отличие от святителя Григория, блаженный Августин оправдывал насилие в деле обращения неверных и еретиков. С целью обращения неверных он предлагал использовать мощь государственной власти. По его убеждению, «царь принуждает, епископ — убеждает». Позже в западном мире, ссылаясь на указанный принцип блаженного Августина, будет оправдывать свои действия инквизиция.

³⁷ Певницкий В. Ф. Святитель Григорий Великий... С. 585.

³⁸ Святитель Григорий Богослов. Творения. М., 1889. Т. 3. С. 20.

Из этих цитат, живописующих на историческом фоне характер свято-го Григория Двоеслова, видно, насколько глубоко профессор Певницкий усвоил дух святоотеческого богословия. Описанный профессором образ святителя Григория предстает перед нами преисполненным непоколебимой веры и святости и за счет этого способным оказывать активное влияние на тогдашнюю атмосферу христианского мира³⁹. При этом достоинства исповедуемого им исторического метода проявляются в том, что буквально каждая из описанных черт святителя получает надежное историческое обоснование. Как пишет о труде профессора священник Н. С. Гроссу, «это ученое исследование не только соперничает с лучшими иностранными монографиями о том же предмете, но даже превосходит их, и силою критической мысли, и основательностью исторических сопоставлений, и широтою обобщений. Автора нельзя упрекнуть в каком-либо неправильном освещении фактов или в искусственной группировке их; везде он пользуется самыми строгими научными приемами»⁴⁰.

С той же основательностью профессор В. Ф. Певницкий характеризует проповеднические труды святителя Григория Двоеслова. «Практическая почва была первым предметом его внимания, и нравоучительный элемент был тем жизненным нервом, которым сильна была его проповедь и который придавал ей значение у современников и потомства»⁴¹. Профессор отмечает, что такое нравственно-практическое направление проповеди святого Григория гармонировало со всем строем римского народного сознания и с вековыми преданиями и старого, и нового (христианского) Рима⁴². Да и сам характер святого Григория, его любовь к порядку и благочинию, аскетизм, ревность о спасении, своем и дру-

³⁹ Таким образом, профессор В. Ф. Певницкий косвенно полемизировал и с тогдашним распространявшимся среди интеллигентии антиисторизмом и крайним его проявлением — нигилизмом. Нигилисты считали, что личности в истории не играют никакой роли, всё в мире управляет волею народной толпы или слепого случая. В частности, такая идея, но в несколько видоизмененном виде присутствует в знаменитом романе А. Н. Толстого «Война и мир», который как раз в то время (в 60-е годы XIX в.) начал издаваться.

⁴⁰ Гроссу Н. С., свящ. Профессор Василий Федорович Певницкий как гомилет // ТКДА. 1911. № 9. С. 215.

⁴¹ Певницкий В. Ф. Проповеднические труды св. Григория Двоеслова // ТКДА. 1865. № 3. С. 36–37.

⁴² Традиция нравственного ригоризма на Западе имеет достаточно древние корни и восходит еще к доникейской эпохе. Уже тогда особый интерес западные проповедники уделяли именно нравственно-практическим вопросам, мало обращаясь к догматике. Как пишет профессор Н. Барсов, «реалистически-чувственный склад природы западных народов направлял их внимание более к церковной внешности и богослужебным церемониям, нежели к отвлеченному миросозерцанию и работе мысли в области теоретического богословия. Это направление всего сильнее выражается у Тертуллиана... Догматическое учение, вероучение в тесном смысле слова, не только у него, но и у западных учителей вообще стушевывается перед моралью и дисциплиной... Так как в Тертуллиане, а затем и у других учителей этого времени мы видим систематическое отчуждение от догматики, то с достаточным основанием можно предполагать, что вообще в этот период вся проповедь больше склонялась к морали и дисциплине». Барсов Н. История первобытной христианской проповеди (до IV века). СПб., 1885. С. 146–147.

гих, накладывали отпечаток на его проповеди. «Он изменил бы себе, если бы захотел подражать греческим проповедникам, с такою любовью останавливавшимся в проповедях на доктринальных вопросах, и говорил уму, а не воле»⁴³. Кроме того, «и внешние обстоятельства, среди которых он жил, располагали его к усиленному сосредоточению на нравственно-практическом элементе. Для раскрытия теоретического учения, нужен некоторый досуг, необходимо внешнее спокойствие.... Такое ли время было при жизни свт. Григория? Тогда почва колебалась под ногами, и люди без надежд, с опасениями смотрели на завтрашний день»⁴⁴.

Описывая проповедничество святителя Григория, профессор В. Ф. Певницкий постоянно иллюстрирует его живыми и яркими выдержками из его проповедей. «Жатвы много, а делателей мало, — говорил в одной из своих бесед с пастырями святой Григорий. — Вот мир наполнен священниками, однако на жатве Божией весьма редко можно найти делателя, потому что мы, хотя принимаем должность священническую, но не выполняем обязанностей этой должности»⁴⁵. Побуждая пастырей невлекаться «внешними занятиями», святитель говорил: «Одна сторона, возлюбленные братия, в жизни пастырей особенно огорчает меня, но дабы кому не показалось, быть может, обидным то, что я утверждаю, то я и себя равно обвиняю, хотя, будучи принужден необходимостью варварского времени, очень неохотно пребываю в этом. Мы впали во внешние занятия, и одно приняли из чести, а другое внесли в обязанность своего звания. Мы оставляем служение проповеди, и к наказанию нашему, как вижу, называемся епископами, — мы, которые удерживаем имя чести, а не силу. Те, которые нам вверены, оставляют Бога, а мы молчим. Они валяются в нечестии, а мы не простираем к ним руки исправления; они ежедневно гибнут от многих беззаконий, а мы небрежно смотрим, как они стремятся в преисподнюю. Но как мы можем исправить чужую жизнь, если небрежем о своей? Ибо занятые мирскими заботами, мы внутренне делаемся тем нечувствительнее, чем усерднейшими кажемся ко внешнему; потому что душа от привычки к земной заботе делается нечувствительна к желанию небесного, и когда, по самой своей привычке, она делается твердою от влияния века сего, тогда она не может размягчаться к тому, что относится к любви Божией... Я, возлюбленные братия, думаю, что Бог ни от кого не терпит более, как от священников, когда видит, что те, которых он поставил для исправления других, подают собой пример нечестия»⁴⁶.

Профессор замечает, что в беседах святителя Григория нет заметных характерных свойств, на которых стоило бы остановиться. Тот, кто наде-

⁴³ Певницкий В. Ф. Проповеднические труды св. Григория Двоеслова... С. 38.

⁴⁴ Там же. С. 38–39.

⁴⁵ Григорий Великий Двоеслов, свт. Творения. М., 1999. С. 124.

⁴⁶ Там же. С. 135–136.

ется найти в них так называемые ораторские изыски, будет разочарован. Они представляют собой тот тип безыскусственного церковного слова, который оформился в Древней Церкви из простых бесед верующих между собою. На первом месте здесь импровизация, дающая мало простора для искусственной обработки речевых форм. В простых словах слышится искренность чувства и задушевность убеждения, и именно благодаря этим качествам беседы святителя Григория Двоеслова так нравятся даже тем, кто не находит ничего особенного в их содержании⁴⁷.

Святой Григорий не только сам проповедовал, но и составил правила о лучшем способе проповеди. Как указывает профессор В. Ф. Певницкий, книга «Пастырское наставление, или сочинение о пастырском служении» служит свидетельством той заботливости, с какой он старался руководить других в трудном деле пастырского служения и, частности, проповедничества. Первые две части книги святителя Григория посвящены общим вопросам пастырского служения, а в третьей части даются наставления относительно проповедничества. Этой обязанности пастыря святитель в своей книге уделяет самое большое внимание. На примере проповеди о сути христианского учения он подробно разбирает, как проповеднику следует учитывать конкретную аудиторию: как следует обращаться к мужчинам, женщинам, юношам, старцам, бедным, богатым и т. д.

Профессор В. Ф. Певницкий отмечает, что взгляд святого Григория на проповедничество как на наиболее существенную пастырскую обязанность был обусловлен прохладным отношением западного духовенства к этому роду пастырской деятельности. Оно больше помышляло о внешней, обрядовой стороне богослужения и совсем мало заботилось о внутреннем воодушевлении своей паствы через учение Слова Божия. Голос святого Григория Двоеслова, настаивающий на необходимости проповедничества для пастыря, был «будильником» для погруженного в дремоту западного духовенства⁴⁸.

Так же живо и назидательно исследователь рассматривает на конкретном историческом фоне служение и других видных пастырей-проповедников, которые силой Слова Божия оказывали значительное влияние на судьбы Церкви и своего земного Отечества. На их примере профессор старался пробудить ревность к проповедничеству у современных и у будущих пастырей Церкви Христовой.

4. О первой гомилетике блаженного Августина

В XIX в. русское богословие начало постепенно освобождаться из плея на западной латинской схоластики. С 1843 г., по инициативе святителей Филарета Московского (Дроздова) и Филарета Киевского (Амфитеатро-

⁴⁷ Певницкий В. Ф. Проповеднические труды св. Григория Двоеслова... С.103–104.

⁴⁸ Певницкий В. Ф. Гомилетика св. Григория Двоеслова // ТКДА. К., 1865. № 1. С. 39–41.

ва), при активном участии старцев Оптины пустыни, в четырех духовных академиях Российской империи начали переводить святоотеческие творения с древнегреческого и латинского языков на русский. Киевская духовная академия занималась по большей части переводом трудов западных авторов с латинского языка. Профессор В. Ф. Певницкий, питая великую любовь к святым отцам, помещал в это время в «Трудах Киевской духовной академии» сочинения, которые могли бы способствовать популяризации этих творений. Такая нужда ощущалась тогда довольно остро. Не случайно профессор И. И. Малышевский в уже цитированной выше юбилейной «Исторической записке» заметил, что «нашей науке многое недостает в силе популяризации»⁴⁹.

После докторской диссертации о святителе Григории Двоеслове профессор Певницкий опубликовал в 1867 г. исследование о проповеднических трудах Киевского митрополита Евгения (Болховитинова). В 1868 г. исследователь обратился к истокам христианской проповеди и подробно изложил проповедничество Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа и святого Иоанна Крестителя. Затем он вновь занялся углубленным изучением западных проповедников. В 1870 и 1871 гг. были опубликованы статьи о проповедничестве арелатских отцов V–VI вв., а также о святителе Льве Великом и о беседах святого Григория Двоеслова на книгу пророка Иезекииля. В 1873 г. появляется исследование о рукописном сборнике проповедей Дамаскина Студита. В 1874 г. Певницкий исследует проповедническое наследие Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского. В 1875–1878 гг. выходят статьи «Проповедь в первенствующей Церкви Христианской», «Церковная проповедь в век мужей апостольских», «Следы проповедничества в древнейшой отечественной письменности». В 1879–1885 гг. — статьи о проповедях Оригена и его ближайших сподвижников, о святителе Григории Чудотворце и приписываемых ему проповедях, о святом Ипполите Римском и дошедших до нас образцах его проповедничества. Далее появляется ряд статей о порядках и обычаях, соблюдавшихся при произнесении проповеди в Древней Церкви. В 1886 г. В. Ф. Певницкий тщательно исследовал немецкие протестантские гомильтики. В 1888 г. вышла статья «Проповедь: ее характеристика и метод ее составления». В 1890-е гг. профессор опубликовал статью о проповедничестве на латинском Западе и ряд очерков об отцах-проповедниках IV в. Тогда же он составил обозрение проповедей архиепископа Херсонского и Одесского Димитрия (Муретова). И лишь после столь многих и разнообразных исследований из истории и теории церковной проповеди В. Ф. Певницкий приступил к изучению гомильтических трудов блаженного Августина.

⁴⁹ Малышевский И. И. Историческая записка о состоянии академии... С. 127.

В 1893 г. в «Трудах Киевской духовной академии» было опубликованы первые очерки профессора из серии под общим названием «Из истории гомилетики». Первый из них был посвящен гомилетическим трудам блаженного Августина.

В. Ф. Певницкий начинает свой труд с описания того, как блаженный Августин относился к классической риторике, критикуя ее за односторонность понимания им существа светского красноречия. Здесь уместно будет напомнить, что блаженный Августин до принятия крещения преподавал риторику сначала в Карфагене, затем в Риме, и наконец, в Медиолане. После крещения, в неофитском азарте, он резко поменял свое отношение к этому предмету. Как можно понять из его автобиографической «Исповеди», риторику он стал отождествлять с наукой, которая «торгует словами», научает убеждать других в истинном и ложном. Если это так, то красноречие, которому можно научиться при пособии риторики, — одно внешнее искусство, готовое без различия служить и добрым, и худым целям и не стесняющееся обольстительными внешними прикрасами склонять внимание слушателей к заведомой лжи, а их волю — к решениям, не имеющим нравственного достоинства. Однако в «Христианской науке» (427 г.) блаженный Августин уже не столь категоричен. Он пишет: «Если наука витийства стоит по природе своей как бы посреди двух крайностей, оказывая большую силу убеждения как в ложных, так и в правильных понятиях, то почему сею наукой не заниматься людям добрым, дабы она в руках их воинствовала за истину, когда худые люди употребляют ее орудием нечестия и заблуждения в защите пустых и негодных предметов?» (книга IV, гл. XXIX)⁵⁰.

Далее, параграф за параграфом, профессор подробно излагает содержание специально посвященной церковному красноречию четвертой книги «Христианской науки», попутно делая критические замечания и высказывая свои суждения по тем или иным вопросам. Суждения эти обнаруживают в авторе глубокий и независимый ум, остроту взгляда и безупречный вкус.

Автор не желает связывать себя с какой-либо законченной гомилетической системой, выступая адептом известных авторитетов; при этом он весьма внимательно отмечает у них то, что так или иначе может служить к лучшему уяснению предмета церковного красноречия по его существу, которое одно только и интересует его⁵¹. Он с особой обстоятельностью отстаивает те истины, которые представляются ему незыблемыми в области церковного красноречия, и восстает против ложного их толкования.

⁵⁰ Августин Иппонский, блж. Христианская наука. С. 169.

⁵¹ Тем более что в Православной Церкви такой законченной гомилетической системы за 20 веков христианства никем не создано. И, по-видимому, ее и невозможно создать, ибо, как отмечалось выше, нельзя духовное вдохновение заключить в узкие рамки системы.

В частности, Певницкий принципиально не согласен с мнением блаженного Августина, будто проповедь есть простой урок или сообщение слушателям полезных сведений и что для ее успеха от проповедника требуется лишь «некоторое знание, простое, безыскусственное слово, пожалуй, сухое и холодное», и не требуется «никакого одушевления». Если так, рассуждает он, то проповедь перестает быть ораторским произведением и ставится в один ряд со всяkim дидактическим сочинением, в том числе и самым пресным языком изложенным. Соответствует ли такая проповедь идеалу, рисующемуся в умах людей, любящих и ценящих церковное красноречие? На этот вопрос ученый дает однозначно отрицательный ответ, убедительно аргументируя его тем, что воодушевление есть существенный элемент церковной проповеди. В сущности, профессор Певницкий, не формулируя эту мысль эксплицитно, утверждает, что латинская схоластика частично уходит корнями в сочинения блаженного Августина.

«Проповедник, как и всякий оратор, должен не просто поучать слушателей или дать им разъяснение чего-либо, а убедить их, склонить их верить тому, чему он сам верит, или следовать тому, что он считает полезным. В этих видах он не должен быть лишен одушевления, необходимого для истинного оратора, и это не излишняя претензия — требовать от него, чтобы он силою и энергию проводил в умы и сердца слушателей понятия и идеи, им ценимые и носимые его душою»⁵². Так В. Ф. Певницкий, полемизируя с авторитетным западным отцом Церкви, выводит свой основной принцип проповедничества, который найдет наиболее полное обоснование в его итоговом труде по гомилетике «Церковное красноречие и его основные законы»⁵³.

5. Другие исторические исследования

Кроме гомилетического наследия святителя Григория Двоеслова и блаженного Августина, профессора В. Ф. Певницкого интересовал проповеднический опыт и других западных отцов Церкви: святителя Льва Великого, преподобного Максима Туринского, арелатских проповедников Илария и Кесария. Он считал их, как и святого Григория и блаженного Августина, представителями нравственно-практического направления гомилетики, исходя из того, что их более всего интересовала не таинственная, а практическая сторона Священного Писания — то,

⁵² Певницкий В. Ф. Из истории гомилетики. Первая, самая древняя гомилетика // ТКДА. 1893. № 1. С. 29–32.

⁵³ Впрочем, профессор замечает, что блаженный Августин полностью не отрицает необходимости воодушевления в проповеди, считая его уместным в случаях, «когда слушатели не хотят делать того, что делать обязаны и что необходимо для их же блага... А мы хотели бы требовать некоторого огня одушевления... во всякое время, о чём бы ни говорил он. Мы хотели бы, чтобы и тогда, когда он учит, от него выходило не вялое и сухое рассудочное слово, а теплое, более или менее душевное и энергичное». Певницкий В. Ф. Из истории гомилетики. Первая, самая древняя гомилетика // ТКДА. К., 1893. № 1. С. 33.

как евангельские заповеди применить к реальной жизни. С нравственной стороны их «проповедь была больше словом властного напоминания о долге и истине, чем словом старательного убеждения»⁵⁴. В некоторых проповедях профессор даже находит черты излишней строгости, доходящей до ригоризма.

Если до V в. проповедь на Западе находилась под большим влиянием восточных проповедников, то, по наблюдению В. Ф. Певницкого, у вышеуказанных западных отцов она обретает черты самостоятельности. При этом их проповедь не обладала «ни возвышенностью мистики, ни диалектикой, ни силой обличительного анализа, ни глубиной чувства... Даже похвальные слова у них просты и безыскусственны»⁵⁵. Тем не менее каждый из этих отцов внес определенный вклад в развитие церковного проповедничества и оказал влияние на общественное сознание своей эпохи. С этой исторической точки зрения, прежде всего, и привлекал внимание профессора их опыт проповеднического служения.

Святитель Лев, папа Римский, которому Церковь усвоила прозвище Великий, был одним из самых влиятельных пастырей-проповедников на Западе. Он занимал Римскую кафедру в 440–461 гг. «Имя святого Льва Великого, епископа Римского, славное в истории вообще, — констатирует профессор, — занимает видное место и в истории проповедничества. От него первого из Римских епископов дошли до нас проповеднические труды»⁵⁶.

Однако, по мнению исследователя, проповеднические дарования святителя Льва в литературе сильно преувеличены: по своему содержанию его проповеди не представляют ничего выдающегося. Завышенная оценка проповеднического дарования вызвана, скорее всего, блеском его славы как решительного и энергичного иерарха и администратора. Ему суждено было возглавить Римскую кафедру в период великих исторических потрясений, державших в напряжении не только Запад, но и Восток. Без преувеличения, в то время Римский престол привлекал к себе взоры всей христианской ойкумены. И нет ничего удивительного в том, что, по выражению ученого, «слово, раздающееся с высоты, всегда слышнее и впечатлительнее, чем слово, выходящее из скромных и незначительных углов церковного мира»⁵⁷.

Нетрудно догадаться, каким пафосом были преисполнены проповеди святого Льва. То, что проповедник не имел риторского образования, объясняет отсутствие в них диалектической игры понятиями, эффект-

⁵⁴ Певницкий В. Ф. К истории древней христианской проповеди. Проповедь на латинском западе // ТКДА. К., 1890. № 7. С. 335–374.

⁵⁵ Там же. С. 354.

⁵⁶ Певницкий В. Ф. Свт. Лев Великий и его проповеди // ТКДА. 1871. № 1. С. 1.

⁵⁷ Там же. С. 7.

ных логических умозаключений. Основной упор делается проповедником на положительные толкования Писания, канонов и определений Соборов Церкви и на живой голос церковного Предания. Опираясь на исповедание Церкви, святой Лев в споре с еретиками не столько входит в подробности словопрений, сколько высказывает властные расположения и определения относительно того, чему и как нужно веровать. Оружие слова — не единственное оружие в его руках. Часто он апеллирует к гражданским властям, требуя ограничить права и наказать еретиков⁵⁸.

В таких обстоятельствах главными отличительными чертами проповедничества святителя Льва становятся властный распорядительный тон, положительный характер умозаключений, с помощью которых не столько доказывается, сколько указывается истина. Святой Лев не допускает возможности возражений епископу со стороны слушателей и уклонений их от его указаний⁵⁹. Не только духовные начала нравственности, но и правила христианской дисциплины придают в его глазах вес его проповедническому слову. В этом отличие проповеди свт. Льва от проповеди других отцов Церкви, и оно заметно даже тогда, когда проповедник рассуждает на такие темы, как христианская благотворительность, молитва и воздержание⁶⁰.

Исследуя проповеди преподобного Максима Туринского, жившего в V в., профессор Певницкий называет их лучшим памятником древнего латинского проповедничества. Все они назидательного характера, отличаются живописностью, пастьрским прямодушием, искренностью, простотой слога. Профессор замечает, что все слова преподобного Максима воспринимались с захватывающим интересом, его убежденность находила кратчайший путь к сердцам слушателей. Большинство своих проповедей он произносил экспромтом. «Вы читаете слова и речи святого Максима, — пишет ученый, — и перед вами оживает древний Турин, так что вы как бы видите перед глазами все события давно минувших времен. Содержание проповедей святого Максима раскрывает нам то, что больше всего волновало современных ему христиан: то он выступает против суеверий, объясняя законы природы, то назидает пасомых в патриотическом духе перед нашествием гуннов (чем помогает жителям Турина преодолеть панический страх и отстоять город от врагов). В других проповедях он предостерегает верующих от еретических влияний». Рассуждая о проповедничестве св. Максима, В. Ф. Певницкий подтверждает свои мысли большими выдержками из его поучений⁶¹.

⁵⁸ Певницкий В. Ф. Свт. Лев Великий и его проповеди. С. 8–11.

⁵⁹ Там же. . С. 79–80

⁶⁰ Там же. . С. 84.

⁶¹ Певницкий В. Ф. Проповеди св. Максима, еп. Туринского (5-го века) // ТКДА. К., 1868. № 5. С. 249–297. № 6. С. 377–423.

Среди проповедников Галлии профессор выделяет Илария и Кесария Арелатских, усматривая в сохранившихся образцах их проповедей некие особые, характерные только для них черты⁶². Он замечает, что многие традиции этой страны и Галльской Церкви были заимствованы из Греции и Греческой Церкви. В частности, по его предположению, в Галлии во II–IV вв. были, как и в Греции, софистические школы, в которых риторике уделялось больше внимания, чем в какой-либо другой стране Западной Европы. Знаменитые галльские Мессалийский и Леринский монастыри, являвшиеся центрами духовной жизни, были основаны по образцу монастырей восточных. Проповеднический талант Илария и Кесария Арелатских формировался как раз в стенах Леринского монастыря.

Иларий, епископ Арелатский, жил в середине V в. В. Ф. Певницкий пишет, что он был образованнейшим и деятельным пастырем Церкви. Для подготовки священнослужителей Иларий открыл духовную школу, создал особую конгрегацию при епископской кафедре. Илария считали прозорливцем, и, как ни строг он был как духовник, многие тянулись к нему в надежде получить исцеление души. «И в проповедничестве Иларий был усердным делателем, он не мог отпустить без увещания ни одного нарушения церковной дисциплины со стороны кающегося». Но, к сожалению, кроме похвального слова в честь Гонората (родственника епископа) и беседы о Генезии, другие поучительные сочинения Илария до нас не дошли.

Для его проповеди, по мысли профессора, характерна витиеватость слога, которая напоминает греческие похвальные речи святых отцов IV в. Вместе с тем В. Ф. Певницкий пишет, что проповеди Илария отличаются высотой мысли, глубиной чувств, красочным живописанием духовных событий. Тон речи проповедника, волевой и сильный, чуждый человекоугодия, можно сказать, строгий, нравился арелатским прихожанам. Профессор отмечает, что во времена Илария была добрая традиция, чтобы у гроба усопшего произносилось слово кем-то из его ближайших родственников. Такое слово, естественно, было более проникновенным и теплым, чем если бы оно произносилось человеком, мало знавшим усопшего, а то и вовсе чужим.

Кесарий, епископ Арелатский (470–542), как сообщает исследователь, был выходцем из бургундских простолюдинов, не получил светского образования, зато был примерным аскетом, воспитанным на благочестивых книгах. Отвергая светские науки, Кесарий основанием всему полагал благочестивую жизнь. В 18 лет он избрал иноческий путь, был диаконом, пресвитером, настоятелем одного из монастырей, и наконец

⁶² См.: Певницкий В. Ф. Арелатские проповедники (5 и 6 вв.) — Иларий и Кесарий // ТКДА 1870. № 3. С. 611–676. № 6. С. 568–670.

(с 502 по 542 г.), епископом города Арелата. На этой кафедре Кесарий отличался любовью и милосердием, выкупал пленных, строил больницы и приюты для бедных. Одной из главных забот у Кесария было учительство. О проповеднической деятельности Кесария известно, что он проповедовал каждое воскресенье и все праздничные дни, нередко утром и вечером. К проповедническому служению старался побуждать и пресвитеров Арелатской епархии. Однако Кесарий был «хотя и ревностный проповедник, но не ритор». Чтобы оживить интерес к проповеди, он поступал иногда так: спрашивал после службы своих прихожан, о чём говорилось за службой в поучении. Также он записывал свои проповеди и распространял их для назидания среди верующих. Профессор констатирует, что из всего богатого гомилетического наследия Кесария сохранилось всего 25 проповедей, еще 317 приписываются ему. Ученый делит проповеди Кесария по форме построения на беседы и поучения, подчеркивая, что в содержании и тех, и других преобладало нравоучение. Стиль его проповедей был простым, ясным, содержание — искренним, исходящим непосредственно из любящего пастырского сердца, проникнутого чувством сокрушения о грехах паствы.

Из наследия выдающихся гомилетов Востока больше всего внимания в исследованиях Певницкого уделено красноречию Оригена (185–284 гг.)⁶³. Ему посвящены четыре большие статьи, опубликованные в «Трудах Киевской духовной академии» (1879. № 2. С. 161–203; № 11. С. 295–340; 1880. № 3. С. 395–439; № 4. С. 523–563). Это, видимо, не случайно, ведь Ориген положил начало так называемой изъяснительной гомилии и оказал огромное влияние на развитие проповеди последующих веков. Как можно заключить из предыдущих статей профессора о проповедничестве, до Оригена, в век мужей апостольских и в первенствующей Церкви, проповедь строилась совершенно по иному принципу.

⁶³ Можно только догадываться, почему В. Ф. Певницкий не посвятил ни одной статьи проповедничеству святителя Иоанна Златоуста. Скорее всего, он считал, что исчерпывающую характеристику его гомилетическому наследию дал архиепископ Черниговский Филарет (Гумилевский) в своем «Историческом учении об отцах Церкви». В центре внимания же Певницкого находились, главным образом, не самые знаменитые отцы и учителя Церкви, которые, тем не менее, оказали большое влияние на становление христианской проповеди. Кроме того, как уже отмечалось выше, восточные отцы были живыми практиками проповеди, их не интересовала теория проповедничества. Разработкой теоретической научной части гомилетики больше всего занимались западные отцы и проповедники. Как раз эта сторона проповедничества больше всего интересовала ученого как профессора кафедры гомилетики. Немного о проповедничестве св. Иоанна Златоуста и других восточных отцов профессор говорит в статье «Образование отцов — проповедников 4 века» (ТКДА. 1892. № 9. С. 3–61. № 10. С. 261–304). В программу чтений по гомилетике и истории церковной проповеди студентам III курса Киевской духовной академии в 1907/08 году, по которой читал преемник профессора на кафедре священник Николай Гросси, проповедничество святителя Иоанна Златоуста входит. ИР НБУВ. Ф. 160. № 2605.

Прежде всего, как пишет исследователь, апостольская проповедь носила в высшей степени харизматический характер. Апостолы *всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе* (Деян. 5:42). Они произносили проповеди по вдохновению Святого Духа безо всякой подготовки и записей. В век мужей апостольских, когда харизматические дарования уменьшились, проповедь принимает более формальные черты. Проповедничество становится обязанностью предстоятеля: с этого времени проповедовать могли только епископы, пресвитеры, и лишь с разрешения архиерея — диаконы и миряне. Проповедь превращается в строго богослужебный акт и произносится чаще всего после псалмопения и чтения Евангелия. Изъяснение Писания происходит в свободной форме и, главным образом, носит нравоучительный характер. К числу раннехристианских дошедших до нас проповедей В. Ф. Певницкий относит Второе послание Климента Римского к Коринфянам, сочинения Климента Александрийского «Педагог» и «Кто из богатых спасется», а также отрывки из проповеди гностика Валентина, вошедшие в «Строматы»⁶⁴.

В очерке об Оригене профессор, прежде всего, сообщает о нём краткие биографические сведения. С 16 лет Ориген стал преподавать словесные науки, в 18 лет он уже учитель Александрийского огласительного училища. Вся его жизнь — непрестанный труд. «До нас не дошло ни одного раздражительного, неприязненного слова, которое адресовал бы он своим врагам». Когда Оригена рукоположили во пресвитера, то он проповедовал чуть ли не ежедневно и на проповедничество смотрел как на пророческий дар. Сохранилось 205 бесед Оригена и несколько отрывков из других его поучений — малая часть из более тысячи проповедей, которые он произнес за свою жизнь. Проповеди Оригена записывались скорописцами или им самим по просьбе друзей и почитателей.

Проповедовал Ориген с Библией в руках. Если прежние проповедники при изъяснении Священного Писания не придерживались определенной системы в проповеди («при отсутствии выработанного и утвержденного преданием метода было столько... разнообразных форм благовестия, сколько было разнообразных личностей между проповедниками»), то Ориген положил начало обычью изъяснять с церковной кафедры книги Писания, по порядку стихов текста, узаконив эту практику для других на долгое время⁶⁵.

При изъяснении Священного Писания Ориген старался находить тройкий смысл: буквальный, аллегорический и нравственный, но более

⁶⁴ См.: Певницкий В. Ф. Проповедь в первенствующей Церкви Христианской // ТКДА. 1875. № 6. С. 658–695; Его же. Церковная проповедь в век мужей апостольских // ТКДА. 1876. № 2. С. 284–329; Его же. Следы проповедничества в древнейшей отеческой письменности // ТКДА. 1878. № 1. С. 74–124; № 3. С. 498–549.

⁶⁵ Певницкий В. Ф. Ориген и его проповеди // ТКДА. 1879. № 2. С. 161–203.

всего отдавал предпочтение аллегорическому (таинственному) смыслу. У него, по словам В. Ф. Певницкого, «каждая буква, всякое простое сказание в Библии являются символом, под которым нужно искать высшее духовное знаменование»⁶⁶. В каждой беседе Ориген обязательно говорил о Спасителе, Его делах, Его Церкви.

Известно, что на V Вселенском Соборе были осуждены христологические взгляды Оригена и его последователей (так называемых оригенистов). Профессор в своем исследовании не выступает против соборного голоса Церкви, но в проповедях Оригена не обнаруживает ничего еретического, хотя замечает, что иногда тот касался вопросов, неразрешимых для человеческого разума. Каждая беседа Оригена наполнена нравственными увещаниями к добродетели и предостережениями от пороков. При этом его нравоучение не изложено систематически, а, по образной характеристике, данной ему ученым, рассыпано в беседах, как бесчисленное множество искр или как тысячи звезд на безбрежном пространстве неба⁶⁷.

Внешняя сторона проповедей Оригена представляется Певницкому простой и безыскусственной, без определенного плана и строгой последовательности, раздробленной на множество отдельных эпизодов. И хотя в беседах Оригена он находит излишнюю растянутость повествования, громоздкость материала, отсутствие художественности и красноречия, обилие цитат из Священного Писания, но в целом отзывается о них одобрительно, называя самого Оригена истинным сыном Церкви, ревностно трудившимся для ее блага и спасения верующих. «И если в иных пунктах он отступал от того понимания вещей, которое ныне усвоено Церковью, то извинением для него должно быть то, что эти пункты в то время не были подвергнуты общечерковному обследованию и по отношению к ним не было составлено никаких точных определений»⁶⁸.

Чтобы показать, как проповеднический метод Оригена распространялся в последующие времена, профессор исследовал доступные тексты его последователей — святителей Дионисия († 265) и Петра († 311) Александрийских, святого пресвитера Пиерия († 283), святителей Григория Чудотворца († 270), Александра Иерусалимского († 251) и Мефодия Патарского († 311)⁶⁹. К сожалению, как замечает ученый, из их гомилемического наследия сохранились лишь отдельные фрагменты проповедей. Эти отрывки не могут дать целостного представления о них как проповедниках, поэтому он пытался создать не-

⁶⁶ Певницкий В. Ф. Ориген и его проповеди. № 11. С. 295–340.

⁶⁷ Там же. № 3. С. 395–439.

⁶⁸ Там же. № 4. С. 523–563.

⁶⁹ Правда, святитель Мефодий Патарский был учеником Оригена, а через некоторое время поменял свое отношение к нему и стал его противником.

кий собирательный образ проповедника III века. Это был век особой популярности проповеднического слова, хотя большинство из проповедников не отличалось ярким талантом красноречия, изъясняя Писание и свои наставления народу без всяких изысков, подражая стилю домашней беседы. Правда, они так же, как Ориген, прибегали в своих проповедях к аллегории, но она у них не была так изобразительна и смела⁷⁰.

Из числа проповедников III в. В. Ф. Певницкий особо выделяет святого Григория Чудотворца. Как пишет о нём профессор, при поставлении на Неокесарийскую кафедру он застал в городе всего 17 христиан, а к концу его пастырской деятельности, благодаря, прежде всего, его проповеди, здесь оставалось всего 17 язычников. К сожалению, из его проповедей до нас дошло лишь «Прощальное и похвальное слово Оригену». По мысли профессора, «история христианского красноречия за одно это слово должна высоко ставить святого Григория Чудотворца... В III веке никто из отцов не может с ним равняться в искусстве слова»⁷¹.

После исследования западной и восточной святоотеческой гомилетики В. Ф. Певницкий приступил к подробному разбору средневековой и новой гомилетики. Как пишет священник Николай Гроссу, «средневековые системы гомилетики и разные гомилетические сборники исследованы им с такой обстоятельностью, какой мы не находим и у иностранных гомилетов, работавших в этой области. И в то же время изложены с такими историко-критическими замечаниями, что для нас становится совершенно понятно, каким образом схоластика убила то здоровое, живое понимание проповедничества, которым, в общем, отличались взгляды святителя Григория и блаженного Августина»⁷².

В средние века «гомилетика преследовала чисто практические цели и всецело хотела быть практическим руководством для проповедников, облегчающим им работу, а научные теоретические вопросы мало тогда занимали составителей практических руководств по проповедничеству»⁷³. Поэтому-то последняя и превратилась мало-помалу в собрание ни к чему не пригодных правил проповедничества, убивших, в конце концов, живое проповедническое слово и поставивших на его место су-

⁷⁰ См.: Певницкий В. Ф. Ближайшие сотрудники Оригена в деле церковной проповеди // ТКДА. 1883. № 3. С. 411–441.

⁷¹ См.: Певницкий В. Ф. Св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский, и приписываемые ему проповеди // ТКДА. 1884. № 3. С. 339–387.

⁷² Гроссу Н. С., свящ. Профессор Василий Федорович Певницкий как гомилет // ТКДА. 1911. № 9. С. 218.

⁷³ Певницкий В. Ф. Из истории гомилетики: Гомилетика в новое время после реформации Лютера // ТКДА. 1896. № 1. С. 11.

хие, безжизненные схоластические рассуждения на определенные темы и по определенному образцу.

Реформация внесла живую струю в область церковного проповедничества и гомилетической науки. Под влиянием проповеднической манеры и гомилетических советов Лютера появилось стремление освободить теорию проповедничества от схоластики и дать ей более серьезную научную постановку. Последнее достигнуто было не сразу. Потребовались целые века усиленной работы в данном направлении, пока гомилетика стала вполне научной дисциплиной. При этом на развитие протестантской гомилетики оказали большое влияние многочисленные колебания, какие испытала в своем историческом развитии протестанство вообще, и то разнообразие в понимании Лютеровых начал веры и жизни церковной, которое привело протестантов к делению на множество толков.

Историю гомилетической науки в новое время В. Ф. Певницкий излагает в сочинении «Гомилетика в новое время, после реформации Лютера» и в статьях «Позднейшие протестантские гомилетики» и «Чтения о проповеди Брукса». Из бесчисленных гомилетических сочинений этого периода его внимание привлекают «наиболее характерные и содержательные, принадлежащие авторитетным мужам, выдающимся из других своим достоинством, и потому имевшие более сильное влияние на последующих деятелей в области гомилетики»⁷⁴.

По мнению первого исследователя гомилетического наследия профессора В. Ф. Певницкого, священника Николая Гроссу, профессор написал свой итоговый труд по гомилетике, находясь под сильным влиянием авторитетных западных католических и протестантских гомилетов. В частности, он пишет: «Читая суждения его об этих сочинениях (имеются в виду сочинения по гомилетике католиков и протестантов — И. М.), мы начинаем понимать, каким образом вырабатывалась его собственная теория проповедничества, его взгляды на церковную проповедь и на законы церковного красноречия. Интересно, что В. Ф. Певницкий наиболее симпатизирует католику Жибера, протестанту Теремину и реформату Вине... Жибер нравится Певницкому, между прочим, своим основным взглядом на проповедников как на ораторов. “Как было бы хорошо, — цитирует профессор Жибера, — если бы на церковной кафедре являлись только люди, владеющие особенною силою слова.... Тогда на надлежащей высоте стояли бы исполнители святого долга, поручаемого служителям Церкви. А если будут выступать учителями народа в Церкви люди заурядные, без силы духа, скучные словом, — они могут уронить святое и высокое дело и поль-

⁷⁴ Гроссу Н. С., свящ. Профессор Василий Федорович Певницкий как гомилет // ТКДА. 1911. № 9. С. 219.

зы никакой не принесут народу, порученному их духовному водительству”⁷⁵. Во Франце Теремине⁷⁶ В.Ф. Певницкого привлекала, прежде всего, мысль о том, что красноречие как практическая деятельность никаким другим законам не может быть подчинена, как только нравственным, и в соответствии с которой «только высокий нравственный характер может давать человеку возможность с достоинством и силою совершать ораторское служение»⁷⁷. По мнению отца Николая Гроссу, Певницкий полностью разделял гомилетические взгляды реформатского проповедника Вине⁷⁸. В новых западных гомилетиках В.Ф. Певницкий особенно подчеркивает сближение духовного красноречия с ораторским искусством и стремление законы последнего применить в той или иной мере к первому⁷⁹.

В чём-то отец Николай Гроссу, может быть, и прав, но вряд ли справедливо утверждение, будто профессор Певницкий был очарован красотой западных проповеднических форм. Научное признание тех или иных достоинств сочинения отнюдь не всегда означает безоговорочную апологию их автора: указанные богословы удостаиваются положительной оценки В.Ф. Певницкого лишь постольку, поскольку их выводы согласуются с древней проповеднической традицией Церкви.

⁷⁵ Гроссу Н.С., свящ. Профессор Василий Федорович Певницкий как гомилет // ТКДА. 1911. № 9. С. 219–220; Певницкий В.Ф., проф. Церковное красноречие и его основные законы. К., 1906. С. 56.

⁷⁶ Франц Теремин (1780–1846) — профессор кафедры гомилетики Берлинского университета. По описанию В.Ф. Певницкого, Теремин был сторонником научно-философского подхода к проблемам гомилетики. Он резко разграничивал духовное и светское красноречие. Успех красноречия он полностью ставил в зависимость от соблюдения проповедником нравственных норм, а потому мало касался техники составления проповедей. Теремин требует, чтобы оратор говорил непременно с аффектом. Он является перед собранием для того, чтобы сообщить ему идею, которую сам одушевлен, и эта идея, если она действительно есть в нём, должна сопровождаться аффектом. Если нет у оратора аффекта, то, значит, он не одушевлен никакою идею. Тогда он говорит или по нужде, как наемник, или с холодною сущностью, как краснобай, или, наконец, с коварною целью, как обольститель народа. Такого оратора слушатель не будет уважать, и такому оратору он не откроет своего сердца. См.: Певницкий В.Ф. Из истории гомилетики: «Красноречие добродетель» — Теремина // ТКДА. 1897. № 11. С. 309–343.

⁷⁷ Певницкий В.Ф. Из истории гомилетики: «Красноречие добродетель» — Теремина // ТКДА. 1897. № 11. С. 336.

⁷⁸ Александр-Родольф Вине (1797–1847) — видный швейцарский публицист и проповедник, профессор словесности Базельского университета и практического богословия Лозаннской академии. По характеристике профессора В.Ф. Певницкого, Вине полностью подчиняет проповедь общим законам ораторского искусства. Его гомилетическая система состоит из трех частей: изобретения, расположения и изложения. Успех проповеди, по Вине, зависит от того, насколько проповедник посредством своего слова овладел душой слушателя и душа слушателя прониклась душой проповедника. То есть цель проповеди — убедить слушателя бороться с грехом и злом за добро и истину. См.: Певницкий В.Ф. Из истории гомилетики: Гомилетика, или теория проповеди, Вине // ТКДА. 1899. № 8. С. 469–522.

⁷⁹ Гроссу Н.С., свящ. Профессор Василий Федорович Певницкий как гомилет // ТКДА. 1911. № 9. С. 220.

Заключение

Подводя итог обзору трудов профессора Василия Федоровича Певницкого по истории проповедничества, следует отметить, что ему, как никому другому, удалось гармонично применить исторический метод исследования и тем самым совершить «мягкий переворот» в гомилетике. Если его предшественники по кафедре гомилетики Я. К. Амфитеатров и протоиерей Назарий Фаворов в своем стремлении освободиться от западной схоластики пренебрегли и древним ораторским искусством, и западной (католической и протестантской) гомилетикой, то В. Ф. Певницкий, движимый научным интересом, подобно мудрой пчеле, собрал от них в свои соты самое ценное, согласующееся с древней проповеднической традицией Церкви, и сформулировал основные законы церковного красноречия.

К сожалению, в XX в. обширное гомилетическое наследие профессора Певницкого оставалось под спудом по причине жестоких гонений со стороны советской власти на Православную Церковь. Немногие из преподавателей гомилетики духовных учебных заведений интересовались его трудами и использовали их в своих курсах. Исследования профессора, опирающиеся, в частности, на опыт западной гомилетики, могут быть востребованы сегодня теми, кто стремится к осмыслиению особенностей инославного проповедничества, с которым нередко приходится сталкиваться православным пастырям в современной Украине. Статьи профессора Певницкого могут помочь не только изучить сильные и слабые стороны западных гомилетов, но и учесть их в своей проповеднической деятельности.

В 2011 г. исполняется 100 лет со дня смерти профессора. К сожалению, в советские годы кладбище Флоровского монастыря, на котором нашли последнее пристанище многие профессора Киевской духовной академии, было разорено, и потому установить сегодня точное место захоронения Василия Федоровича уже практически невозможно. Думается, что лучшим памятником профессору будет актуализация его гомилетического наследия в современной духовной школе.